

IV Очередной Всероссийский социологический конгресс

Социология и общество:
глобальные вызовы и региональное развитие

6

Круглый стол 6

**Доверие,
коррупция
и социальная
солидарность**

Грязнова О. С., Москва

Персональный интерес и ценности как предикторы запроса на государственную социальную поддержку в Европе¹

Аннотация

В исследовании рассматривается влияние персонального интереса и базовых жизненных ценностей на запрос на государственную социальную поддержку в разных типах социальных государств. Результаты показали, что ценности коллективизма и альтруизма повышают запрос на участие государства в регулировании социальных вопросов, в то время как ценности индивидуализма и эгоизма понижают его во всех странах. Среди факторов интереса доход является наиболее значимым предиктором. Тип социального государства является важным модератором ценностей и дохода.

Ключевые слова: социальное государство, социальная политика, режимы социальных государств, базовые жизненные ценности, запрос на государственную социальную поддержку

Социальная поддержка населения государством является относительно современным явлением. Изначально она возникла как реакция на издержки индустриализации [1] и как попытка снятия напряженности между работниками предприятий и работодателями [2]. Компенсировались, прежде всего, профессиональные риски, связанные с опасностью для жизни и здоровья. Однако с течением времени спектр государственных социальных программ расширялся, и социальное государство стало порождать новые экономические и политические практики. Н. Луман делает акцент на то, что социальное государство меняет когнитивные характеристики и мотивации людей [3, р. 22] и превращается в государство всеобщего благосостояния. Компенсация одних рисков порождает необходимость

¹ Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 году. Автор выражает большую благодарность В. Магуну за инициативу этого исследования и советы в ходе работы над докладом. А также коллегам из Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ за ценные рекомендации.

компенсировать другие риски, вызванные первыми. И как следствие рефлексивности социального государства возрастает его стоимость. Большое число исследований в европейской научной периодике посвящено проблеме «заслуживания» социальных гарантий, перегрузке социального государства и последствий его функционирования [4, 5]. Однако эти вопросы, хотя и ставятся в современном российском политическом дискурсе, могут иметь несколько иную перспективу в постсоциалистических странах. В старых капиталистических странах уровень компенсации социальных рисков достаточно высок в отличие от постсоциалистических стран. Помимо этого высокий уровень ВВП, более предсказуемая экономическая ситуация, и относительно невысокий уровень неравенства делают человека менее зависимым от государственной социальной помощи. В постсоциалистических странах и в России в частности социальная база клиентов социального государства шире, а уровень их социальной поддержки ниже [6].

Следовательно, мы встаем перед вопросом, насколько индивидуальный запрос на государственные социальные гарантии зависит от реальных потребностей людей, и в какой мере они задаются индивидуальными ценностями и макро средой.

Исследования, посвященные анализу легитимности социального государства, являются достаточно популярными в европейской научной периодике. В этих исследованиях выделена группа факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на формирование индивидуального запроса на государственные социальные гарантии. Среди факторов индивидуального уровня можно перечислить персональный интерес (self-interest), который обусловлен позицией индивида в социальной структуре, оценку социальной среды (оценка эффективности функционирования различных институтов и в целом социального климата) и ценности (идеологии, представления о справедливости, религиозные и политические установки, базовые жизненные ценности). На страновом уровне чаще всего рассматривается культура социального государства (режимы социального государства) и различные макроэкономические характеристики (ВВП, резерв социальных расходов, уровень бедности, неравенства и безработицы и т. д.).

Для того, чтобы выявить силу влияния рациональных и ценностных аргументов на формирование запроса на государственную социальную поддержку, а также определить эффект нормативной среды, в исследовании были рассмотрены три группы факторов: персональный интерес, ценности и типы социальных государств.

Запрос на государственную социальную поддержку падает с усилением социальной позиции индивида [7, 8, 9, 10, 4]. Мужчины, молодые люди, те, кто имеет хорошую позицию на рынке труда и хорошее материальное положение, в меньшей мере рассчитывают на государственные социальные гарантии по сравнению с женщинами, пожилыми людьми, теми, кто сталкивался с проблемой безработицы, пенсионерами, инвалидами и представителями низкодоходных групп.

Поскольку ценности можно операционализировать различными способами в зависимости от исследовательских задач, выводы, содержащиеся в предыдущих исследованиях, сложнее систематизировать

и сделать общее заключение об их влиянии. Самое широкое обобщение можно сделать о том, что ценности индивидуализма понижают поддержку социального государства, а ценности эгалитаризма напротив ее повышают [11, 12, 13, 14].

Институциональное устройство внутри отдельных стран также оказывают влияние на формирование индивидуального запроса на государственную социальную поддержку. Большое число исследований посвящено типологиям социальных государств. В основе большинства классификаций лежат критерии, предложенные Г. Эспинг-Андерсоном: индекс декоммодификации (зависимость индивидуального благосостояния от условий рынка), степень влияния государства на уровень социального расслоения и агенты, отвечающие за благосостояние отдельного человека (государство, корпорация, семья, волонтеры и т. д.) [15]. Наиболее подходящей для целей нашего исследования является типология, предложенная Т. Рискинсом и В. ван Ооршотом. Они выделили социал-демократический (Дания, Финляндия, Нидерланды, Норвегия, Швеция), консервативный (Бельгия, Германия, Франция, Швейцария), либеральный (Великобритания, Ирландия), фамилиаристический (Кипр, Греция, Португалия, Испания) типы и страны Центральной и Восточной Европы (Болгария, Чехия, Венгрия, Латвия, Польша, Румыния, Словакия, Словения) [16, р. 12].

В данном исследовании проверялось две гипотезы.

1. Ценности консерватизма и альтруизма повышают запрос на государственную социальную поддержку вне зависимости от персональной заинтересованности во всех типах социальных государств.

2. Запрос на государственную социальную поддержку повышается, если в ней есть персональная заинтересованность.

В работе использовались данные четвертой волны Европейского социального исследования, проведенного в 2008 году. Выборка исследования 56752 респондента из 29 европейских стран (на момент начала работы 30-ая страна Литва еще отсутствовала в базе ESS).

Для проверки нашей гипотезы мы использовали такие переменные, фиксирующие персональный интерес, как пол, возраст, статус на рынке труда, материальное положение и получение пенсий или пособий (основные источники дохода).

Наиболее сложной независимой переменной в нашем исследовании являются ценности. В ЕСС включен список из двадцати одного вопроса, сформулированных в соответствии с методикой измерения ценностей Ш. Шварца [17, 18]. Эти вопросы являются одной из версий Портретного ценностного вопросника, в котором респондентам давались различные описания людей и предлагалось по шести бальной шкале оценить, насколько они похожи на этих персонажей.

Шварц разработал теорию базовых жизненных ценностей, в соответствии с которой выделил десять типологических ценностных индексов, которые можно агрегировать в четыре ценностные категории (Открытость

изменениям, Сохранение, Самоутверждение и Забота о людях и природе), которые преобразуются в две ценностные оси (Открытость изменениям – Сохранение (“Openness to change versus Conservation”) и Самоутверждение – Забота о людях и природе (“Self-enhancement versus Self-transcendence”)). Ценностные оси позволяют дать самое общее представление о ценностях, доминирующих в той или иной социальной группе, в то время как ценностные индексы являются более детальными характеристиками. В своем исследовании мы использовали только ценностные категории и ценностные оси.

Ценности сохранения проявляются в стремлении к поддержанию образцов и существующего положения вещей, минимизации различных рисков, как на индивидуальном, так и на макро уровне. Противоположными по значению являются ценности открытости изменениям. Здесь делается акцент на самостоятельность, готовность к новому опыту и стремление сделать свою жизнь лучше. Самоутверждение включает в себя ценности ориентированные на укрепление своей социальной позиции через достижение власти, богатства, успеха и реализации своих возможностей. Альтернативны этим ценностям ценности, входящие в категорию Забота о людях и природе. Здесь мы говорим об эгалитаризме, взаимопомощи, толерантности, ответственном отношении к другим людям и природе.

К. Вельцель сравнивает ценностные категории Шварца с более широко используемыми в социальных науках понятиями: Открытость изменениям аналог индивидуализма, Сохранение – коллективизма, Самоутверждение – эгоизма и Забота о людях и природе - альтруизма [19, р. 154]. Эти сопоставления позволяют рассматривать вопрос о влиянии базовых жизненных ценностей на запрос на государственную социальную поддержку как составную часть общего дискурса о влиянии ценностей индивидуализма и эгалитаризма.

Зависимой переменной в исследовании был Индекс ответственности государства (ИОГ). В основу этого индекса вошли переменные, полученные по ответам респондентов на вопросы о том, в какой мере государство должно участвовать в реализации таких социальных программ как гарантированная занятость, медицинское обслуживание, пенсии, материальная поддержка безработных, социальная поддержка семей с детьми и родственниками, требующими ухода.

В целом пенсионное и медицинское обеспечение являются базовыми «безусловными» программами социальной политики, их поддерживает большинство во всех европейских странах. Что касается семейной политики и политики в области занятости, то здесь участия государства ожидают в большей мере в странах постсоциалистического и фамилиаристического типов, где в целом хуже социально-экономическая ситуация: ниже ВВП, выше уровень безработицы и неравенства, меньше государственные социальные расходы (поданным, представленным в статье Г. Монусовой [6]). Можно предположить, что стабильный и предсказуемый рынок труда понижает социальный запрос на участие государства в регулировании социальной политики в области занятости.

Рассматривая значимость различных компонентов социальной политики в разных типах стран, мы заметили, что композиция приоритетов представляется разной в старых демократиях с одной стороны, и в фамилиаристических и постсоциалистических странах с другой. И следовательно возник вопрос, можем ли мы использовать наш индекс для всех стран. Для нас важно чтобы измерение индекса было инвариантным во всех рассматриваемых случаях. Для проверки межстрановой инвариантности ИОГ мы использовали межгрупповой конфирматорный (подтверждающий) факторный анализ.

В своем анализе мы установили корреляции между остатками таких составляющих индекса как обеспечение гарантированной работы и хороших пособий по безработице, медицинской помощи и пенсий, уходом за детьми работающих родителей и предоставлением оплачиваемых отпусков по уходу за больными родственниками. В качестве теоретического обоснования обозначенных корреляций мы опираемся на исследования, посвященные проблеме «заслуживания» социальных гарантий (*deservingness concept*). В них показано, что большую поддержку получают те социальные программы, которые компенсируют риски, возникшие по объективным, независящим от человека причинам – старость и болезнь. Что касается рисков, связанных с трудовой деятельностью человека, то здесь выражается более низкий уровень поддержки [20, 21, 22, 23, 24]. И отдельно выделяются социальные программы, связанные с семейной политикой.

Модель с корреляциями остатков демонстрирует приемлемые показатели качества CFI (0,96) и RMSEA (0,02) и удовлетворяет требованиям, в соответствии с которыми дельта CFI для метрической и конфигуральной инвариантности должна быть меньше или равна 0,01, а для RMSEA меньше 0,01 [25]. Хотя корреляции остатков имеют содержательный смысл, следует тем не менее, иметь в виду, что однородность рассматриваемого индекса не идеальна. В целом же, конфирматорный факторный анализ продемонстрировал метрическую инвариантность индекса ответственности государства в различных странах, что доказывает корректность межстранных сравнений.

Рассматривая значения Индекса ответственности государства (ИОГ), можно заметить, что в большинстве стран, относящихся по типологии Рискинса и ван Ооршота к постсоциалистическим и фамилиаристическим странам, запрос на государственную социальную поддержку выше, чем в либеральных и социально-демократических. Социально-демократические страны занимают промежуточное положение.

Несмотря на достаточно высокий уровень показателя во всех типах социальных государств, средние значения ИОГ статистически значимо отличаются друг от друга. Самый высокий запрос в постсоциалистических странах, за ними следуют страны фамилиаристического типа, страны социально-демократического и либерального типов, ниже всего запрос в странах консервативного типа. Можно заметить, что, несмотря на статистическую значимость различий между всеми режимами, наименьшие отличия по индексу ответственности государства наблюдаются между постсоциалисти-

ческими и фамилиаристическими странами, с одной стороны, и странами либерального, консервативного и социально-демократического типов с другой.

Рассмотрев корреляции отдельно по группам стран можно заметить, что в постсоциалистических и фамилиаристических странах связь ценностей и запроса на государственную социальную поддержку в среднем сильнее, чем в странах либерального и консервативного типов. Однако для всех стран характерно повышение запроса с усилением ценностей сохранения и заботы, и его сокращение с повышением значимости ценностей открытости и самоутверждения. В социально-демократических странах и фамилиаристических странах с запросом теснее связаны ценности самоутверждения и заботы, а в постсоциалистических ценности сохранения и открытости.

Может возникнуть вопрос, не является ли связь ценностей и запроса производной от подверженности человека индивидуальным и групповым социальным рискам, а также культуры перераспределения, характерной для страны его проживания. Для того, чтобы установить, насколько эта связь является автономной относительно индивидуальной социальной позиции и культурных особенностей общества, мы провели регрессионный анализ с контролем факторов интереса и типа социального государства. Зависимой переменной у нас был Индекс ответственности государства, а независимыми – ценностные оси.

Несмотря на то, что ценности объясняют небольшую долю дисперсии ИОГ, их эффект тем не менее значим при контроле как факторов интереса, так и типов социального государства. Т. е. вне зависимости от персональной заинтересованности в социальной поддержке и перераспределительных практик, характерных для страны проживания человека, ценности оказывают влияние на запрос на государственную социальную поддержку. Характер связи интересующих нас переменных здесь такой же как при корреляционном анализе: чем более выражены ценности сохранения и менее ценности открытости, тем запрос выше ($r=0,18, p<0,001$), а чем более выражены ценности самоутверждения и менее заботы, тем запрос ниже ($r=-0,19, p<0,001$).

Кроме этого мы добавили в модели эффект взаимодействия ценностей и типов социальных государств, чтобы установить, существует ли разница между воздействием ценностей на запрос в разных типах социального государства. Ценности «открытость-сохранение» оказывают самое большое влияние на запрос в странах постсоциалистического типа, а ценности «забота-самоутверждение» - в странах фамилиаристического типа.

Для того, чтобы посмотреть, отличается ли эффект ценностей в разных типах социальных государств, мы рассчитали регрессионные коэффициенты для пяти дополнительных регрессионных моделей по обеим осям. В этих моделях мы меняли для переменной «тип социального государства» референтную группу. В первой модели референтной группой были постсоциалистические страны, во второй фамилиаристические, в третьей либеральные, в четвертой консервативные и в пятой социально демократические. Результаты анализа показали, что в эффект ценностей «открытости-сохра-

нения» в постсоциалистических странах более выражен, чем в остальных группах стран, где нет статистически значимых различий в силе влияния ценностей этой группы.

Если рассматривать эффект ценностей «заботы – самоутверждения» в разных типах стран, можно заметить, что максимальный эффект наблюдается в странах фамилиаристического типа, меньший в постсоциалистических и социально-демократических странах, и еще меньший в либеральных и консервативных странах. В этих двух группах стран нет статистически значимых различий по этому признаку.

Результаты регрессионного анализа показали значимость только некоторых из отобранных нами факторов интереса: пол, статус на рынке труда и материальное положение. Но одинаково ли влияние этих факторов в странах, относящихся к разным типам социального государства? Для ответа на этот вопрос, мы последовательно добавляли в регрессии эффекты взаимодействия типов социальных государств с полом, материальным положением, и материальным положением среди работающих и среди бенефициаров.

Как мы видели, пол является значимым фактором, определяющим поддержку социального государства. Однако, если в качестве контрольных переменных обозначить обе ценностные оси и добавить эффект взаимодействия между типами социального государства и полом, то влияние этого фактора практически исчезает во всех типах стран.

Наиболее сильное влияние на запрос на государственную социальную поддержку оказывает материальное положение. Однако этот эффект не равнозначен в разных типах социального государства. Наиболее заметна связь материального положения и запроса в постсоциалистических странах. Эта связь несколько слабее в странах либерального и консервативного типов (нет статистически значимых отличий), и практически отсутствует в фамилиаристических и социально-демократических странах.

Таким образом, отвечая на основной вопрос исследования, можно подчеркнуть, что индивидуальный запрос на государственную социальную поддержку определяется и нормативной средой (типом социального государства), и реальными потребностями, и ценностями. В странах постсоциалистического и фамилиаристического типа запрос на государственную социальную поддержку в целом выше, чем в старых демократиях. И в этих странах ценности более выраженно влияют на уровень индивидуального запроса. Однако в странах фамилиаристического типа индивидуальный запрос не связан с реальной заинтересованностью в государственной социальной поддержке. В странах этого типа запрос является скорее нормативной установкой, нежели потребностью. В постсоциалистических странах на уровень запроса влияют и ценности, и реальное материальное положение человека. Т. е. в данном случае не приходится говорить об однозначном экономическом патернализме, характерном для постсоциалистических обществ. Здесь существует достаточная дифференциация в уровне запроса в зависимости от материальной заинтересованности в государственной социальной поддержке: чем лучше материальное положение, тем меньше

запрос. По сравнению с постсоциалистическими странами в старых демократиях ценности и персональный интерес оказывают влияние на уровень запроса, но это влияние менее выраженное.

Библиографический список

1. D. Fraser, *The evolution of the British Welfare State; a history of social policy since the Industrial Revolution.*, New York: Barnes & Noble, 1973.
2. E. S. Einhorn and J. Logue, *Modern Welfare States: Scandinavian Politics and Policy in the Global Age*, Greenwood Publishing Group, 2003.
3. N. Luhmann, *Political Theory in the Welfare State*, Walter De Gruyter Inc, 1990.
4. W. van Oorschot, «Public perceptions of the economic, moral, social and migration consequences of the welfare state: an empirical analysis of welfare state legitimacy,» *Journal of European Social Policy* 20, №. 1, p. 19-31, 2010.
5. W. van Oorschot and B. Meuleman, «Welfare Performance and Welfare Support,» in *Welfare Attitudes in Europe and Beyond*, S. Svallfors, Ed., Stanford (Ca), Stanford University Press, 2012.
6. Г. Монусова, «Спрос населения на государственную социальную политику: сравнение европейских стран,» *Вопросы экономики*, pp. 1-25, 2012.
7. S. Svallfors, «The politics of welfare policy in Sweden: structural determinants and attitudinal cleavages,» *British Journal of Sociology*, no. 42, p. 609-634, 1991.
8. S. Svallfors, «Class, Attitudes and the Welfare State: Sweden in Comparative Perspective,» *Social Policy & Administration*. № 38., pp. 119-138, 2004.
9. S. Svallfors, *The Moral Economy of Class: Class and Attitudes in Comparative Perspective*, Stanford (Ca): Stanford University Press, 2006.
10. L. d'Anjou, A. Steijn and D. van Aarsen, «Social Position, Ideology, and Distributive Justice,» *Social Justice Research*, no. 8, p. 351-384, 1995.
11. S. M. Lipset, *Political Man; the Social Bases of Politics*, Doubleday, 1963.
12. M. Deutsch, «Equity, Equality, and Need: What Determines Which Value Will Be Used as the Basis of Distributive Justice?,» *Journal of Social Issues* , vol. 31, no. 3, p. 137-149, 1975.
13. J. L. Hochschild, *What's fair?: American beliefs about distributive justice*, Cambridge: Harvard University Press, 1981.
14. H. McClosky and J. Zaller, *The American Ethos: Public Attitudes Toward Capitalism and Democracy*, Cambridge: Harvard University Press, 1984.
15. G. Esping-Andersen, *The three worlds of welfare capitalism*, Princeton N.J.: Princeton University Press, 1990.

16. T. Reeskens and W. van Oorschot, «Equity, Equality or Need? Explaining Preferences towards Welfare Redistribution Principles across 23 European Countries,» Valencia, 8-10 Septembe, 2011.
17. S. H. Schwartz, «Universals in content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries,» in Advances in Experimental Social Psychology, M. Zanna, Ed., New York, Academic Press, 1992, p. 1-65.
18. В. Магун and М. Руднев, «Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами,» Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии, no. 1 (93), pp. 33-58, 2008.
19. C. Welzel, «How Selfish Are Self-Expression Values? A Civicness Test,» Journal of Cross-Cultural Psychology, vol. 41, no. 2, p. 152-174, 2010.
20. W. van Oorschot, «Making the difference in social Europe: deservingness perceptions among citizens of European welfare states,» Journal of European Social Policy, vol. 16, no. 1, p. 23-42, 2006.
21. W. van Oorschot, «Popular Deservingness Perceptions and Conditionality of Solidarity in Europe,» in Culture and Welfare State: Values and Social Policy in Comparative Perspective, Cheltenham, U.K. and Northampton, Mass., Elgar, 2008, p. 268-288.
22. W. van Oorschot, «Who Should Get What, and Why? On Deservingness Criteria and the Conditionality of Solidarity among the Public // Welfare States: Construction, Deconstruction, Reconstruction,» in Elgar Reference Collection, vol. 3, Cheltenham, U.K. and Northampton, Mass., Elgar, 2008, pp. 353-368.
23. W. van Oorschot and W. Uunk, «Welfare Spending and the Public's Concern for Immigrants: Multilevel Evidence for Eighteen European Countries,» Comparative Politics, vol. 40, no. 1, pp. 63-82, 2007.
24. M. Pfeifer, «Public Opinion on State Responsibility for Minimum Income Protection,» Acta Sociologica, no. 52, pp. 117-134, 2009.
25. F. F. Chen, «Sensitivity of Goodness of Fit Indexes to Lack of Measurement Invariance,» Structural Equation Modeling, vol. 14, no. 3, pp. 464-504, 2007.